

> ВЫСТАВКА

Две нации
Филарета

КТО МОГ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, что ахматовское «из какого сора» на выставке «Двое» проявится так буквально?

В ночь накануне ее открытия – дом-то жилой! – прорвало трубы, и утром работники выставочного зала, расположенного в полуподвале, бродили по щиколотку в воде, дозваниваясь в домоуправление и осушая болото. Пострадали с десяток картин этой необычной выставки двух близких по духу художников: уфимца Филарета Шага – Филарета Шагабутдинова и магнитогорца Валерия Романова. Десяток картин вынесли во дворик на просушку, но даже когда отмена вернисажа казалась неизбежной, Филарет Шага невозмутимо продолжал подкалывать названия к уцелевшим от сырости холстам и навешивался во дворик к намокшим. Между ними – сухими и мокрыми – в выставочном зале Магнитогорского отделения союза художников по пр. К. Маркса, 111 и состоялся разговор с корреспондентом «ММ».

На случившееся гость города и один из авторов выставки смотрел философски: человеческий фактор не повод отказываться от открытия. Филарета Шага житейскими мелочами не заморочишь: у искусства своя дорога. За плечами художника – участие в десятках персональных и групповых, региональных и международных выставок. Рисовал, сколько себя помнит: в детстве – дома на всех поверхностях, вплоть до дверей. В Уфимском училище искусств окончил отделение живописи, но после армии к ней долго не возвращался, предпочитал офортную графику. Оттого, когда лет через двадцать снова к ней обратился, было и остается много белого на холсте, а еще – «ушел в цвет». Друзья за голову хватались: «Фил, ты что делаешь – разве можно выплескивать столько цвета?» – «А он у меня скопился внутри – не удержался».

И сейчас на его холстах яркие детские краски. Даже в названиях много цвета и света: «Город Солнца», «Под небом голубым», «Рождение радуги», «Белый день». В сочетании с бесхитростностью образов – полное ощущение детского простодушия. «Это не наигранная наивность, – признается художник. – Я воспитывал в себе это видение. Друзья говорят: «Ты в живописи детский, а по жизни умудренный». Это родительское наследие: отец обладал пытливым взглядом на жизнь, мама – поэтичностью. И всю жизнь художник пишет о двух «нациях» – мужчине и женщине. Других не знает. В его «Неоконченной истории» с застывшей в задумчивости фигурой угадывается женская судьба.

Последний год художник с женой прожил в глухом селе Кирибасинское под Учалами. Привез оттуда «Восходящие потоки», «Отражение» – всего двадцать холстов. Наблюдал не только устройство жизни, но и отношение к ней: «Мой сосед в каких годах – и такая в нем детская непосредственность».

Этот год дали от города еще не целиком пережить. Вызревает «звуковой» цикл: попытка в живописи выразить звук: вечерний звон колокола или бубенцы стада. И – Шага вернулся к рисунку пером. «Вернулся к истокам, – говорит он сам. – Переосмысливаю жизнь – как результат жизни в отрыве от людей. Пока общаешься – можешь смотреть на жизнь и себя через любые очки. А когда наедине с собой – себя не обманешь. На все смотришь честно». Об этом – двадцать с лишним листов, которые Шага выставит зимой в серии «Письма из глубинки».

Детские вопросы Валерия Романова

> Для художника важно быть понятым современниками

ПАМЯТЬ об утраченном детстве в каждом живет по-разному. Судя по картинам Валерия Романова, художник с ним так и не расстался.

Как в детстве, когда открываешь мир, в его пейзажах снежинка и яблоко равновелики с деревьями и облаками, почти в каждой работе присутствуют зеленый и желтый, а земля и небо обрамляют пространство – ребенку важно вместить в картину весь мир. Живет Романов в панельном районе, но типовых кварталов на его картинах почти не встретишь. Чаще – полуузнаваемые пригородные пейзажи, уголки Самстроа и поселка Крылова, где прошли детство и юность: одноэтажная Магнитка с привкусом сказки.

Между словом и изображением

Он говорит: по молодости передвигался бегом, песни горланил, хоть голоса нет. Теперь поутих, но не смиряется с хмуроватостью мира: мурлычет что-нибудь, возвращаясь с ночной смены, останавливается в дождь полюбоваться палисадником. И его живопись – выражение детской открытости естественному миру. А для города он скорее закрыт: потому и обратился к живописи, что может откровенничать только опосредованно. В юности выбирал между словом и изображением. По негромкому голосу и образной речи, природной мечтательности и наблюдательности в нем и сегодня признаешь лирика. По облику тянет на художника: греческий профиль, «неформатный» ореол волос вокруг лысеющей головы, внимательный взгляд.

Зато профессия далека от искусства: контролер по отбору проб комбинатской лаборатории механических и металлографических испытаний. Тридцать семь лет собирает пробы из цехов, проводит первичную обработку, изготавливает образцы. Лаборатория обслуживает стан «5000» горячей прокатки и старые сортопрокатки: станы «4500», «450», «170», «2350». На нем еще покойный отец Николай Филиппович работал – прокатчиком, резчиком проб. Он и привел Валерия в центральную лабораторию ММК и очень одобрял увлечение сына живописью.

Старт этого увлечения – декабрь семьдесят третьего: демобилизация со срочной. До того просто забегал в школьную изостудию, рисовал по клеточкам, любовался живописью на открытках-репродукциях. А в восьмидесятые

началось настоящее обучение у Евгения Белицкого в легендарной народной изостудии ММК – наследие Владимира Павлова. Студия гремела на весь Урал, ученики завоевывали награды на всесоюзных выставках. Потрясением было знакомство с творчеством авангардиста и поэта Григория Голанда, сочетающего реализм и абстракцию. Пытался даже подражать, но это было повторение чужого. Хотелось найти свою манеру, передающую тепло и простоту будничности. И не уходить от предметности, чтобы мир и угадывался, и не терял загадки.

Мир плодоносящий

До сих пор в кладовке и на стенах в панельной «двушке» Романовых хранятся давние пейзажи и натюрморты Валерия в реалистичной манере, а в собственной ценностной шкале сохраняется первенство Шишкина и Саврасова. Но мир с их эпохи изменился, сокращенно признает художник. И надо искать формы изображения, эквивалентные современной жизни. Он их нашел, отчасти опираясь на словесные образы: в его наивных пейзажах все – буквально. Яблоня зимой плодоносит яблоками, а летом – девушками; цветная пашня упирается в небо и продолжается в нем радугой и облаками; из земли в царстве пьющих прорастают бутылки и становятся зданиями-высотками; вальсжный кот плывет в теплично-садовом хозяйстве урожай собирали?» Садов у Валерия Романова много. Есть даже цикл: сад цветущий, плодоносящий, зимний, осенний. И непременно – небо и земля: живем рутинной, не замечая, что вокруг – вечность, необъятная вселенная. Как в картине «23.55», названной по времени суток за пять минут до полуночи: летний вечер заканчивается, люди с тусклыми лицами спешат в свои панельные дома, не поднимая головы на еще ясное небо.

Большинство его картин вписаны в квадратное полотно: отрез холста экономнее разрезать именно на квадратные метры. «Это неправильно, – разводит руками художник. – Размер и форма полотна должны идти от замысла». Но у него – вот так. Вот абстрактное полотно – бывшая «Адам

и Ева», написанная к весенней эротической выставке, а после замалеванная как не совсем «своя». Вот сквозь ветви в зимнем саду краснеет яблоко-солнце: в прежнем варианте этого красного пятна не было – дописано под настроение. Вот «Валерия после дождя» – фантастический сельский пейзаж «имени автора Валерия» по мотивам «Пейзажа в Овере после дождя» Ван Гога. Ван Гог – один из любимых мастеров Романова, в том числе за сдержанные тона. У самого Романова период приглушенных минорных тонов закончился – его Валерия брызжет яркими красками. И все отчетливее контур, окантовывающий фигуры на картинах, – как в детстве, когда выделяешь каждый предмет из повседневности. Только в зрелости так смело заявляют о своем праве оставаться ребенком.

Выход из повседневности

Этап ширпотреба, он же период вынужденной бездеятельности в творчестве, Валерия Романова тоже не миновал. В девятые жизнь ожесточилась, нужно было зарабатывать. Романов, как многие его товарищи по творческому цеху, после основной работы мастерил на продажу избитые пейзажи с березками и открыточные натюрморты с букетами. Не хотелось скатываться до поделок – стремился к достойному уровню, чтобы быть честным перед собой, но непритязательность вкуса широкой публики все же сказывалась. Кое-что из того запаса сохранилось до сих пор – как правило, в утилитарных целях: как композиция для другой картины или подставка под этюдник – ковер во время работы не заляпать. А воспоминания той поры – вещь на потребу – настолько неудобны, что теперь трудно решиться на эксперимент: скажем, рисовать портреты на Арбате.

«Раньше рисовал этюды на натуре, а теперь трудно отжаться: работать на людях стало – как раздеться на публике, – размышляет художник о тонких материях – вдохновении и тайне творчества. – Но когда увлекусь – никого не замечаю». В новом сезоне он намерен вновь окунуться в жизнь городских улиц: интересно и как творческий, и как социальный опыт. Последнее – возможно, даже важнее: Валерий очень закрытый по природе.

Талант без диплома

Ван Гог еще и потому любим Романовым, что предельно трудно находил понимание современников: крестьяне, которых он рисовал, считали его бездельником. Встречался с таким отношением и Валерий Романов. Но у него есть на это детский ответ, против которого не возражишь: творчество – это работа. Потому что всякая работа – творчество.

И когда копаются в руке – мастерство, в кладовой – а где еще горожанину их хранить? – холсты, а в душе – желание делиться детством, то обостряется потребность диалога со зрителем. Нынче для этого необязательно быть членом творческих союзов, но найти своего галерейщика нелегко. Тем более – самодеятельному художнику без специального образования и по основной работе, и в творчестве – если только не брать во внимание, что талант не равен диплому.

Романов в составе изостудии участвовал во втором Всесоюзном фестивале народного творчества в Москве, в региональной выставке. И благодарен руководителям центральной лаборатории комбината, на протяжении многих лет предоставлявшим для экспозиции его работ стены учреждения. В эти дни в выставочном зале Магнитогорского отделения союза художников России по пр. Маркса, 111 проходит выставка «Двое». На ней представлены картины двух близких по духу художников – Валерия Романова и Филарета Шага. Возможно, еще через несколько месяцев романовские картины переедут в городскую картинную галерею ☹

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ